

самоотверженного служения людям, а 39% будущую профессию считают престижной. Характерно, что 19% студентов выбрали профессию по семейной традиции.

Изучение характера врачебной деятельности показывает наличие в ней специфических компонентов. Необходимость определения объективно неизбежного и минимального вреда, ожидаемой пользы и пределов риска занимает значительное место в структуре деятельности врача. Это свидетельствует о том, что моральный выбор не есть нечто редкое, а напротив, является неотъемлемой частью его повседневной работы и условием высокого профессионализма.

В проблеме профессиональной идентичности преобладает представление о сводимости признаков профессионализма к качествам, присущим специалистам. В основном профессиональная идентичность выражается через уровень развития клинического мышления. В итоге профессионализм интерпретируется как некая сумма навыков и умений, отделённых от мировоззренческих ориентаций, социального и интеллектуального капитала профессионала.

Проведённый контентный анализ стандартов двух поколений (1995 и 2000 г.г.) свидетельствует о сохранении ориентации на информационно – знаниевую модель высшего образования; о преобладании дисциплинарной архитектуры над междисциплинарной; об абстрактности целеполагания; о недостаточной адаптированности к требованиям рыночной экономики, предъявляемым к выпускникам вуза; о слабой представленности базовых навыков (квалификаций, компетенций), носящих надпрофессиональный, метапрофессиональный характер [3, 47].

Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой в деятельности хорошего специалиста – медика морально – этические принципы гуманизма должны органично вплотнаться в совокупность конкурентных поведенческих норм, добросовестное выполнение которых будет для него и профессиональным долгом, и делом его профессиональной чести и достоинства [4, 62].

Актуальность и значимость рассмотрения проблем профессиональной этики свидетельствует о том, что в сложный период развития российского общества именно здесь может быть найдена одна из самых важных точек опоры в выходе страны на позиции устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Капто А.С. Профессиональная этика – М., Ростов-на-Дону. – 2006. – 799с.
2. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социс. – 2005. - № 8. – С. 3-13.
3. Макаров А.В. Компетентностный подход в проектировании моделей социально – гуманитарной подготовки выпускника вуза // Социально – гуманитарные знания. – 2004. - № 6. – С. 46-62.
4. Хрусталёв Ю.М. Философско – этический характер медицины // Философские науки. – 2004. - № 8. – С. 58-84.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Соколова Г.Н., Республика Беларусь, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Модернизация как фундамент инновационных процессов.

Беларусь вступает во второе пятилетие XXI века, в ходе которого планируется перейти на инновационный путь социально-экономического развития. Анализ ситуации показывает, что в реальном секторе экономики в основном исчерпаны возможности наращивания производства за счет экстенсивных факторов, поэтому необходимо обеспе-

чить *модернизацию* экономики путем внедрения современных технологий и максимального использования интеллектуального потенциала страны. Реализация экономической стратегии обуславливает решение социальных проблем инновационного развития белорусского общества [1, с. 6–10]. Успешность модернизации является также и залогом эффективности инновационных процессов как ключевых моментов общего процесса развития производительных сил.

Циклический характер процесса модернизации в условиях развития мирового хозяйства обоснован выдающимся российским экономистом Н.Д. Кондратьевым, создавшим теорию малых (3–5 лет), средних (7–11 лет) и больших (около 50 лет) циклов конъюнктуры, в работе «Большие циклы конъюнктуры» [2, с. 24–69]. На временном отрезке в 140 лет он обосновал наличие трех больших циклов экономической конъюнктуры¹, чередующихся примерно через полвека, и показал, что начало каждого цикла знаменуется активным внедрением новых знаний, новых технологий и новых отраслей производства, т.е. активной инновационной деятельностью, обеспечивающей создание, освоение и использование инноваций. Такими ключевыми моментами являются: первая промышленная революция (1795–1845), которая охватила почти все основные отрасли промышленности – прядильную, ткацкую, химическую, металлургическую и др.; революция паровых машин (1845–1895) – переворот в области машиностроения; революция электрических машин (1895–1945) – переворот в области химической и электротехнической промышленности. Следуя методологии Н.Д. Кондратьева, можно проследить четвертый цикл – научно-техническую революцию в области микроэлектроники и атомной энергетики (1945–1995), а также – пятый цикл – революцию в области нано- и биотехнологий, информационных технологий (2000-е годы и далее). Согласно Кондратьеву, каждый этап модернизации сопровождается *реорганизацией* производственных отношений. Эта реорганизация происходит в рамках одной экономической формации, отражая во многом принципы реорганизации производственных отношений между людьми, определяемые новыми приоритетами научно-технического прогресса.

Характерно, что в каждом из названных циклов освоение и использование инноваций сопровождалось значительными *социальными* изменениями в хозяйственной жизни общества. На макроуровне это связано с поисками рынков сырья и сбыта продукции как следствием радикального повышения производительности труда; на мезоуровне – с изменением структуры занятости населения и временным повышением уровня общей и структурной безработицы. На микроуровне это выражается в формировании новых адаптационных стратегий предприятий и организаций.

Таковы общие закономерности развития мирового хозяйства. Но они не затронули экономического развития советских государств, которые не были включены в сложный процесс мировой экономики. Советские государства «не проходили» научно-технических революций в их полном объеме. В связи с этим, по мере роста масштабов советской экономики в последние десятилетия быстро повышалась *инерционность* экономических явлений, их нечувствительность к внешним воздействиям и попыткам государственного аппарата оперативно изменить структуру народного хозяйства [3, с. 7–9]. С последствиями этой инерционности и связаны основные не решенные до сих пор проблемы, названные в «Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы».

¹ *Примечание:* Под экономической конъюнктурой каждого данного момента понимается направление и степень изменения совокупности элементов хозяйственной жизни, по сравнению с предшествующим моментом.

В отечественной экономике и социологии сложилось собственное представление о феномене модернизации [4]. Согласно этому представлению, модернизация, во-первых, трактуется не столько как развитие современных производственных мощностей, сколько как преодоление технологической зависимости. Речь идет в первую очередь не о создании новых сверхсовременных предприятий, напоминающих американские, немецкие или японские, а о *способностях генерировать* передовые научно-технические идеи и экологизировать результаты НИОКР. Модернизация не означает имитации технико-производственной структуры ведущих западных государств.

Во-вторых, в условиях глобализации для модернизации необходимы включение страны в мирохозяйственные связи и использование научно-технических достижений партнеров и соперников. Модернизация на основе изоляции национальной экономики, как это пытались сделать в Советском Союзе, обречена на неудачу.

В-третьих, современная модернизация – не наращивание объемов производства, а гибкость технологий и высокий удельный вес в них программно-информационных элементов.

Современная модернизация подразумевает, таким образом, не наращивание масштабов экономической деятельности, а достижение равноправного положения по отношению к «core economies» (по И. Валлерстайну, «ключевым экономикам», которые служат импульсом технологических и социальных перемен).

Согласно концепции Н.Д. Кондратьева, большие циклы экономической конъюнктуры, развертывающиеся на макроуровне, выявляются в едином процессе динамичного развития со средними циклами (мезоуровень) и малыми циклами (микроуровень), которые как бы «накладываются» на волны больших циклов. В этой динамике, макроуровень представляет собой происходящую на основе *базисных* инноваций смену лидирующих технологических укладов (примерно раз в 50 лет), связанную с изменением структуры отраслей производства; мезоуровень – происходящие с периодичностью примерно в 10 лет изменения внутри отраслей, в связи со сменой поколений техники и обновления активной части основных фондов; микроуровень – постоянное обновление моделей и модификаций продукции и совершенствование ее параметров на базе *улучшающих* инноваций в рамках промышленных предприятий [5].

Базисные инновации (макроуровень), связанные со сменой технологических укладов, создают фундамент для появления новых отраслей промышленности и образования новых рынков. Они основываются на значимых технических изобретениях и открытиях, глубоких изменениях в технике производства и обмена, изменении условий денежного обращения. Осуществление базисных инноваций требует значительного объема долгосрочных инвестиций для радикального обновления устаревших основных фондов и, как правило, происходит при участии государства.

Улучшающие инновации появляются в ходе практической реализации новых возможностей, заложенных базисными нововведениями, и направлены на освоение новых рыночных ниш, за счет адаптации новых товаров и технологий к требованиям спроса. На мезоуровне они связаны со сменой моделей техники, модификации технологий в рамках отраслей, а на микроуровне – с постоянным обновлением моделей продукции в рамках промышленных предприятий и организаций. Осуществление улучшающих инноваций не требует крупных капиталовложений и осуществляется, в основном, за счет собственных средств предприятий.

Жизненный цикл инновации ограничивается тем, что по мере насыщения рынка, уровень спроса снижается и объем капитала, задействованного в данной рыночной нише, оказывается избыточным. Наступает спад инновационной активности, снижаются

объемы и ухудшается структура инвестиций. Для этого периода характерно увеличение численности «псевдоинноваций», ассоциируемых, скорее, с понятием моды, нежели технического прогресса. Осуществление подобного типа инноваций, улучшающих устаревшие в своей основе поколения техники и технологий, приводит к неэффективному использованию инвестиционных ресурсов.

Для успешной модернизации, государству, независимо от его территориальных размеров и природных условий, необходимо иметь высокий уровень развития науки в качестве собственного источника технологических нововведений и среды для ассимиляции приобретаемых технологий. Этот уровень определяется структурой и состоянием науки и экономики в целом, политическими и социально-экономическими целями развития общества. Достигнутый уровень научно-технического прогресса должен не просто поддерживаться, а постоянно расти, опережая рост производства.

Сейчас, когда мы находимся в начале очередного (пятого) цикла, по Н.Д. Кондратьеву, выбор модели инновационного развития имеет стратегическое значение для страны в глобальном масштабе. Международным индикатором развития науки как базовой составляющей инновационной экономики является наукоемкость валового внутреннего продукта (ВВП). Для стран, избравших инновационный путь развития в качестве приоритетного, пороговое значение наукоемкости ВВП, с точки зрения экономической и научно-технической безопасности, составляет 2%, в Беларуси – 0,69% от ВВП [6].

Анализ структуры белорусской модели инновационного развития, по соотношению в ней традиционных, новых и высоких технологий [7], показал, что в 2006 году 78,4% всей продукции изготовлялось по традиционным технологиям, 15,6% – по новым и только 6,0% – по высоким технологиям. В прогнозном периоде, к 2025 году, по традиционным технологиям будет изготовляться 62,3%, по новым – 29,1%, по высоким технологиям – 8,6%. Получается, что по структуре (традиционные, новые, высокие) нынешняя модель состоит на 4/5 из традиционных технологий, на 1/6 – из новых технологий, на 1/20 – из высоких технологий (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение структуры произведенной продукции в зависимости от используемых технологий в прогнозном периоде, %

Используемые технологии	Годы				
	2006	2010	2015	2020	2025
Традиционные	78,4	72,9	69,5	65,1	62,3
Новые	15,6	20,6	23,5	27,3	29,1
Высокие	6,0	6,5	7,0	7,6	8,6

Прогнозируется, что удельный вес традиционных технологий ежегодно уменьшается на 0,8 процентного пункта в год, за счет увеличения доли новых технологий на 0,7 процентного пункта и высоких технологий – на 0,1 процентного пункта в год. При сохранении подобных темпов, Беларусь к середине XXI века будет иметь около половины (46,2%) традиционных технологий, около половины (42,6%) новых технологий и 1/10 (11,2%) высоких технологий в их общем объеме. Исходя из прогнозных показателей, можно назвать такую модель *эволюционирующей*, с постепенной сменой ориентаций с традиционных на новые и высокие технологии. Подобная модель инновационного развития осуществляется в режиме модернизации производства, с тем чтобы снизить долю традиционных технологий и повысить долю новых и высоких технологий. Так проявляется себя *эволюционирующий* тип модели инновационного развития, заложенный в стратегию *эволюционного* социально-экономического развития страны.

Названный тип модели инновационного развития во многом обуславливает слабую восприимчивость хозяйствующих субъектов к *инновационной* деятельности, т.е. деятельности, направленной на разработку, внедрение и использование новых видов изделий, новых технологий, организационных форм, генерирование новых организационно-экономических отношений. Сама же инновационная деятельность, предназначение которой быть внутренней пружиной инновационных процессов, модифицируется в деятельность по адаптации хозяйствующих субъектов к изменениям в рыночной ситуации.

Эволюционирующая модель инновационного развития минимизирует возможные риски, но не способствует в достаточной мере развитию инновационной восприимчивости, которая модифицируется в адаптационные стратегии хозяйствующих субъектов. *Инновационную восприимчивость* мы определяем как *способность* генерировать передовые научно-технические идеи и *готовность* гибко перестраивать производство в соответствии с созданием, освоением и использованием инноваций. Если *способность* генерировать новые идеи определяется масштабом и уровнем развития новых и высоких технологий в стране, то *готовность* перманентно перестраивать производство в соответствии с созданием, освоением и использованием инноваций, связана «изнутри» с инновационной восприимчивостью хозяйствующих субъектов, а «извне» – с инновационной политикой государства, определяющей модель инновационного развития. На уровне хозяйствующего субъекта, инновационная восприимчивость определяется взаимодействием факторов внешней и внутренней среды. С одной стороны, она находится в зависимости от национальной инновационной политики и состояния рынка научно-технологических услуг, а с другой – от типа инноваций, характеристик и организационной структуры предприятия, определяющих его инновационную стратегию. Все эти факторы взаимосвязаны и взаимодействуют как единое целое, образуя среду функционирования вовне и внутри предприятия. Выявление и оптимизация *механизмов* данного взаимодействия должны привести к усилению инновационной восприимчивости на уровне предприятия.

Противоречие между целями и средствами – источник появления негативных социальных тенденций

Основная цель развития трансформационных процессов – обновление производственного потенциала общества и рост его благосостояния. Но исторически закономерное не всегда совпадает с логически ожидаемым, и чаще всего причиной этого несовпадения является *противоречие* между декларируемыми целями и применяемыми средствами трансформационных преобразований. Наиболее рельефно это противоречие проявляется в экономической сфере, где программные *цели* – повышение уровня и качества жизни всего населения – входят в контраст с предлагаемыми *средствами* достижения этой цели, через санацию убыточных предприятий и модернизацию отраслевой структуры экономики. Эти средства являются закономерными по своей сущности, но содержат *социальные* риски снижения уровня жизни определенных слоев населения, которые нужно предвидеть и вводить соответствующие компенсаторные механизмы. Данное противоречие является источником внутренней противоречивости социальных тенденций, связанных с поворотом государственной социальной политики в направлении инновационного развития. «Внешние» – они положительны, но «внутри» отягощены грузом возможных негативных последствий начавшихся трансформационных преобразований.

В соответствии с «Основными направлениями социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы», будут приняты меры по активизации развития реального сектора экономики. В первую очередь это касается его структурной трансформации. Она будет проводиться по двум направлениям. Первое (структурная

санация экономики) – оздоровление существующей экономической структуры и прежде всего государственного сектора экономики, на основе снижения доли убыточных производств, что позволит аккумулировать средства на первоочередное развитие («точек роста»). Второе направление (модернизация национальной экономики) – создание и развитие новых наукоемких ресурсо- и энергосберегающих производств и отраслей. Все это в совокупности позволит обеспечить выход республики на качественно новый уровень социально-экономического развития [8].

Однако структурная санация экономики затронет все убыточные предприятия, составляющие, по крайней мере, 1/5 всех предприятий. А это, в соответствии с мировыми тенденциями реорганизации социально-экономических отношений, вызовет повышение уровня общей безработицы и снижение уровня жизни временно высвобожденного населения. *Позитивная* тенденция снижения уровня регистрируемой безработицы (1,5%) может смениться *негативной* тенденцией роста как общей (7,0%), так и структурной безработицы. Санация экономики, направленная на снижение доли убыточных предприятий, неизбежно вызовет рост общей безработицы, а создание новых наукоемких производств и новых отраслей, взамен старых, – возникновение и рост структурной безработицы и, следовательно, снижение уровня жизни временно высвобожденного населения.

Позитивная тенденция уменьшения дисбаланса между спросом и предложением рабочей силы наблюдается лишь в количественном отношении. В качественном аспекте структура спроса на рабочую силу существенно не изменилась. Рынок труда по-прежнему ориентирован на рабочие профессии, которые составляют 80% от общего числа вакансий [9, с. 10–12]. И такая ситуация остается устойчивой в течение ряда лет. Существующий дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы, имеющий до сих пор тенденцию к уменьшению (2,4 человека на одну вакансию в 2006 году), может возрасти, и тем в большей степени, чем быстрее осуществляются инновационные преобразования, структурные и технические изменения. Следует учитывать и то обстоятельство, что при условии стабильной экономики, невысокой реальной безработицы и прочного финансового положения государства, негативные последствия технологических и структурных изменений проявляются слабо. В условиях трансформационной экономики это может быть чревато *негативными* социальными последствиями, в плане усиления дисбаланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

Позитивная тенденция улучшения материального благосостояния и социального настроения в обществе основана на проведении курса социально ориентированной экономики рыночного типа. Государственный выбор республики в пользу социально ориентированной экономики характеризуется в настоящее время *позитивными* тенденциями в социальном настроении практически всех групп общества. Но эти тенденции сопровождаются рядом *социальных* проблем, главная из которых – проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. Реализация социально ориентированной экономики связана, в частности, с уменьшением коэффициента дифференциации денежных доходов общества. Так, в 2006 году он составлял 5,6 раз, что является минимально допустимым рыночным стандартом. В экономической практике поднятие денежных доходов бедных слоев населения до уровня бюджета прожиточного минимума (БПМ) и создание определенных гарантий для социально уязвимых слоев населения связывается, с одной стороны, – с темпами повышения ВВП, достигшими в 2006 году 10% [10, с. 331], и, соответственно, – повышением заработной платы. С другой стороны, – это связано с перераспределением денежных доходов между обеспеченными и бедными слоями населения в пользу последних.

Уменьшение бедного слоя происходит за счет снижения (как бы проседания) базового слоя, составляющего 2/3 всего населения. Социальным следствием этих процессов, является: снижение трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации, а также – смещение профиля экономической стратификации общества в сторону малооплачиваемых слоев населения. Критическое значение коэффициента дифференциации денежных доходов населения – 5,6% (при доле страты со среднедушевым денежным доходом ниже уровня БПМ в 11,2% от всего населения) уже достигнуто. Дальнейшее уменьшение доли населения со среднедушевым денежным доходом ниже уровня БПМ требует перехода экономики на инновационный путь развития. А этот переход, в свою очередь, может сопровождаться ростом как общей, так и структурной безработицы, с ее временными, но достаточно ощутимыми *социальными* проблемами.

Ситуация в *социальном* аспекте может осложняться тем, что в Беларуси в течение последних лет прирост реальных доходов населения превышал прирост валового внутреннего продукта. Так, по расчетам экономистов [11], в 2006 году ВВП вырос почти на 10%, а доходы населения – на 18%, что свидетельствует о нарушении равновесия между мерой труда и мерой потребления в стране. Возможное снижение уровня потребления домохозяйств может вызвать снижение социального настроения в обществе. В целом же, есть основания полагать, что социальные последствия функционирования эволюционирующего типа модели инновационного развития будут предельно смягчены. Возможные негативные социальные тенденции, если только они не будут вызваны ростом цен на энергоносители и соответствующим снижением уровня жизни населения, будут проявляться постепенно, однако в соответствии с общими закономерностями циклического развития производительных сил.

По оценкам российских экономистов, программа социально-экономического развития Российской Федерации также ориентирована на *«инерционно-эволюционную стратегию»* [12, с. 283]. Эволюционный тип модели инновационного развития, характерный для России и Беларуси, связан с долговременным выходом бывшего СССР из закономерного развития мирового хозяйства и определяется «многослойностью» национальных экономик, со значительной (до 70%) долей традиционного уклада. Это создаст схожие трудности перехода к инновационному развитию, которые нельзя недооценивать. Во-первых, они связаны с тем, что в технических процессах, соответствующих мировому уровню, задействовано в этих странах не более 1/5 прогрессивной части парка машин и оборудования. Так, доля пятого технологического уклада, основанного на информационных технологиях, составляет в Беларуси и России около 1/10 ВВП, тогда как в странах-лидерах мирового научно-технического прогресса эта доля достигает половины валового внутреннего продукта. Во-вторых, приоритетное развитие производств, в которых страны имеют конкурентные преимущества, не может не сопровождаться свертыванием других, неэффективных производств, что чревато негативными социальными последствиями, в частности, возникновением структурной безработицы.

Следует учитывать, что предстоящее десятилетие – это период мирового научно-технического переворота, когда будет происходить замена последних поколений техники и технологий пятого технологического уклада первыми поколениями шестого уклада, который станет определяющим в условиях перехода к шестому Кондратьевскому циклу. Научно-технологический переворот будет сопровождаться волной базисных инноваций в авангардных странах. Чтобы не допустить чрезмерного технологического отставания, инновационные модели Беларуси и России ориентируются на *«стратегию инновационно-технологического прорыва»* [12, с. 284], когда инновации выступают как «точки

роста» в циклическом процессе общей модернизации, как «качественные скачки», обеспечивающие принципиально новое развитие техники и технологий, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому. Исходя из мирового опыта, необходимо отслеживать социальные последствия проведения экономических реформ и разрабатывать компенсаторные механизмы с помощью социологической экспертизы экономических преобразований [13, с. 260–274], предназначение которой – способствовать реальному государственному контролю над балансом экономических и социальных издержек в ходе решения государственных программных задач.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы. – Минск, 2006.
2. Кондрацьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Кондрацьев Н.Д. Избранные сочинения. – М.: Экономика, 2002.
3. Абрамов И.М. Циклы в развитии экономики СССР. – Минск: Наука и техника, 1990.
4. Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 4–17.
5. Соколова Г.Н. Роль инновационных процессов в модернизации постсоветской промышленности // Общество и экономика. – 2001. – № 2. – С. 168–173.
6. Гончаров В.В. Наука в инновационной системе Беларуси: функциональный аспект // Наука и инновации. – 2007. – № 6. – С. 57–62.
7. Иванова Е., Линчевская О. Перспективы технологического развития инновационной экономики Беларуси в 2006–2025 гг. // Наука и инновации. – 2006. – № 9(43). – С. 59–62.
8. Шимов В.Н. Беларусь: от экономического кризиса к устойчивому росту // Белорусский экономический журнал. – 2006. – № 2. – С. 25–27.
9. Мониторинг рынка труда Республики Беларусь за 2006 год. – Минск: ГУ Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – 2007.
10. Республика Беларусь, 2007. (Стат. сб.). – Минск: Министерство статистики и анализа РБ. – 2007.
11. Заико Л.Ф. Посчитали – не проследились // Бизнес-журнал «Делю». – 2007. – № 12. – С. 16–17.
12. Инновационный тип развития экономики России. – М.: Изд-во РАИ С, 2005.
13. Соколова Г.Н. Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы. – Минск: Белорусская наука, 2006.

Балтабаев К.Т., Республика Казахстан

ИНСТИТУТ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В КАЗАХСТАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННОЕ НАУЧНОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В условиях построения демократического, светского, правового и социального государства, как в Казахстане, так и в России приоритетными задачами являются защита прав и свобод человека и гражданина.

Судебно-правовая реформа Казахстана (1 и 2 этапы) в значительной степени преобразовала систему и структуру уголовного судопроизводства. Существенные изменения претерпел один из его важных институтов – меры уголовно-процессуального пресечения.

Для подозреваемого, обвиняемого и подсудимого объективность уголовного преследования в значительной мере ассоциировалось с законностью, обоснованностью и мотивированностью применяемой к нему меры пресечения.

Практическая значимость мер пресечения в уголовном судопроизводстве всегда определялась тем, насколько они способствуют решению задач уголовного процесса (ст. 8 УПК Республики Казахстан).

Вопрос оптимального соотношения гражданских прав, свобод личности и мер уголовно-процессуального принуждения всегда являлся основным критерием сущности и характера системы уголовного судопроизводства.